

Тимофей Гимон

К типологии жанров древнерусского историописания XI–XIV вв.

Общеизвестно, что важнейшим жанром исторической письменности Древней Руси были летописи. Им посвящена обширная литература, однако ни разу, насколько мне известно, в качестве самостоятельной научной проблемы не ставился вопрос о параллельных летописанию видах исторического повествования¹ (при том, что конкретные памятники такого рода, конечно, исследовались). Цель настоящей статьи — собрать имеющиеся на сегодняшний день данные об *отличных от летописей* исторических жанрах древнерусской письменности XI–XIV вв. и обратить внимание специалистов на реальное многообразие способов фиксации исторических событий в Древней Руси.

Речь пойдет только о текстах, основным содержанием которых являются события древнерусской истории. Хронографы и переводы византийских хроник (возникшие синхронно и существовавшие параллельно с летописанием) здесь рассматриваться не будут². Речь также не будет идти о «простейших» исторических текстах — единичных известиях летописного типа на книгах³ и стенах

-
- 1 Важные опыты типологизации летописей см.: Лихачев Д. С. *Русские летописи и их культурно-историческое значение*. М.; Л., 1947; Алешковский М. Х. К типологии текстов «Повести временных лет». *Источниковедение отечественной истории*. 1975. М., 1976. С. 133–167.
 - 2 Появление на Руси переводов византийских хроник и создание первого хронографа ученые относят к XI в. Древнейшая рукопись переводной хроники (Георгия Амартола) относится к рубежу XIII–XIV вв.; древнейшая рукопись хронографа — к XV в. О хронографах и переводных хрониках на Руси XI–XIII вв. существует обширная литература. Наиболее общие сведения см.: Творогов О. В. *Древнерусские хронографы*. Л., 1975; Он же. Византийские хроники в Древней Руси. *Русская и грузинская средневековые литературы*. Л., 1979. С. 86–92; Пиотровская Е. К. *Византийские хроники IX века и их отражение в памятниках славяно-русской письменности: «Летописец вскоре» константинопольского патриарха Никифора*. СПб., 1998. С. 6–31. Особую группу памятников составляют т. н. малые византийские хроники — краткие хронологические компециумы, переводы которых также были распространены на Руси. Древнейший пример такой хроники в русской рукописной традиции — в «Изборнике» 1073 г. (Там же. С. 76–94).
 - 3 О них см.: Столярова Л. В. Записи исторического содержания XI–XIV веков на древнерусских пергаменных кодексах. *ДГ* 1995. М., 1997. С. 3–79. В этой публикации учтен, помимо собственно исторических записей, рассматриваемый ниже летописец новгородского Благовещенского монастыря, а также многочисленные *выходные* записи, содержащие сообщения летописного типа. Все собственно исторические записи на книгах относятся к последней трети XIII–XIV в.

храмов⁴, но только о текстах, включающих в себя сообщения как минимум о нескольких событиях. Не рассматриваются здесь и тексты, стоящие на грани историописания и агиографии (патерики и др.), изученные достаточно хорошо.

От времени до 1400 г. сохранились две «полномасштабные» рукописи, содержащие летописный текст. Это Синодальный список НПЛ XIII–XIV вв. и Лаврентьевский список 1377 г. Несмотря на ряд различий между этими памятниками⁵, оба они представляют один тип исторических текстов. История излагается в форме погодных статей, начинающихся стандартным оборотом «В лето такое-то»⁶. Погодные статьи, в свою очередь, делятся на известия и рассказы об отдельных событиях, которые, как правило, отделяются друг от друга оборотами типа «В то же лето», «Тои же зимы», «Тогда же» и др. Типичными для обоих памятников являются «пустые годы» — случаи, когда заголовок погодной статьи («В лето такое-то») проставлен, но далее нет никакого текста и сразу идет заголовок следующей статьи. Содержание большинства погодных статей разнообразно (от политических событий до природных явлений); летописи редко сосредотачиваются на какой-то одной стороне действительности.

К текстам того же типа относится, очевидно, и большинство реконструируемых исследователями несохранившихся летописных памятников («сводов-протографов»), таких, например, как *Начальный свод*, «Повесть временных лет», *Новгородская владычная летопись*, *Киевский свод XII в.* и мн. др. Этот же тип текстов в изобилии представлен в рукописях XV в. (Ипатьевский список, списки Софийской I и Новгородской IV летописей и др.).

Договоримся называть далее такие тексты *собственно летописями* и перейдем к анализу других, отличных от этого, видов исторического повествования. Рассмотрим вначале те из них, которые реально представлены в рукописях XII–XIV вв., а затем те, о которых можно судить лишь на основании вторичных текстов.

4 «Летописные» надписи на стенах соборов известны с середины XI в.

5 Главное различие состоит в том, что если Лаврентьевский список был написан единовременно, то Синодальный список создавался в несколько приемов (текст за 1016–1234 гг. был написан в XIII в., текст за 1234–1330 гг. — около 1330 г., а затем в течение 30–50-х годов XIV в. делались еще приписки на дополнительных листах). Об этапах сложения Синодального списка см.: Гимон Т. В., Гишпиус А. А. Новые данные по истории текста Новгородской первой летописи. *Новгородский исторический сборник*. СПб., 1999. Вып. 7 (17). С. 18–47; Гимон Т. В. Приписки на дополнительных листах в Синодальном списке Новгородской I летописи. *Норна у источника Судьбы: Сб. ст. в честь Е. А. Мельниковой*. М., 2001. С. 53–60.

6 Кроме погодных статей, в начале летописей имеется так называемая «недатированная часть» или «предисловие». В Лаврентьевском списке эта часть довольно пространна, но все же несопоставима по объему с последующим погодным текстом. В Синодальном списке утрачено начало (текст начинается на середине статьи 1016 г.), но, судя по новгородским летописям XV в. (в том числе, по НПЛ младшего извода), в Новгороде летописи также начинались недатированным «предисловием».

1. В рукописи Студийского устава конца XII в. (ГИМ. Син. № 330) на последнем листе (л. 281 об.) имеется серия записей летописного характера. Новейшая публикация этого текста подготовлена Л. В. Столяровой⁷. Записи составляют единственное содержание л. 281 об. рукописи, занимая на нем 21 строку. В них сообщается о событиях четырех лет: 6678 (1170), 6687 (1179), 6694 (1184), 6703 (1193). Под каждым годом говорится только об одном событии. Сообщается об основании новгородским архиепископом Ильей и его братом Гавриилом Благовещенского монастыря, о строительстве в нем каменной церкви (ими же), о смерти Ильи и, наконец, о смерти Гавриила (преемника Ильи на новгородской кафедре). Завершается текст молитвенным обращением, в котором упоминается «домъ сии», т. е., скорее всего, Благовещенский монастырь. Текст на л. 281 об. написан двумя почерками (оба отличны от почерка основной части кодекса). Первым из них написаны сообщения 6678 и 6687 гг. и обозначения индиктов, относящиеся к известиям 6694 и 6703 гг., вторым — оставшийся текст⁸. Поскольку первым почерком написаны и обозначения индиктов, вероятно, что весь текст на л. 281 об. написан единовременно⁹.

Сообщения 6694 и 6703 гг. текстуально родственны соответствующим известиям НПЛ. Вероятно, это объясняется тем, что при составлении записей на л. 281 об. была использована новгородская владычная летопись — общий протограф старшего и младшего «изводов» НПЛ¹⁰. Сообщения же 6678 и 6687 гг. текстуально независимы от соответствующих известий НПЛ.

Итак, перед нами краткий летописец новгородского Благовещенского монастыря, содержащий только сообщения об основании монастыря, строительстве в нем каменной церкви и смерти двух архиепископов — основателей монастыря. Часть известий этого летописца представляет собой выписки из новгородской архиепископской летописи¹¹.

В литературе не раз высказывалось предположение, что новгородская владычная летопись часто копировалась для нужд новгородских церквей и монастырей¹². В действительности есть только два примера такого рода. Во-первых, это Синодальный список НПЛ — копия владычной летописи, сделанная в XIII в. (и продолженная в XIV в.) для Юрьева монастыря, т. е. новгородской архиман-

7 ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 562–568. Там же см. факсимильное воспроизведение записей.

8 Там же. С. 565.

9 Или же, как предполагает Л. В. Столярова, первый писец спустя длительное время снова обратился к рукописи и приписал обозначения индиктов. (Там же. С. 565–566).

10 Там же. С. 565–468.

11 О новгородской владычной летописи см.: Гишпиус А. А. К характеристике новгородского владычного летописания XII–XIV вв. *Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию В. Л. Янина*. М., 1999. С. 345–364.

12 Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV вв. *ЖМНП*. 1900. № 11. С. 188–190; Алешковский М. Х. Новгородский летописный свод конца 1220–х гг. *Летописи и хроники*. 1980. М., 1981. С. 111.

дритии, а не рядовой обители¹³. Во-вторых, это краткий летописец Благовещенского монастыря, о котором шла речь только что. Можно лишь предполагать, что кратких летописцев, подобных благовещенскому, в реальности было больше: никаких сведений о других подобных памятниках пока нет¹⁴.

2. В двух рукописях Кормчей книги, относящихся ко времени до 1400 г., читается славянский перевод «Летописца вскоре» константинопольского патриарха Никифора с русским продолжением, доведенным в обеих рукописях до 1278 г. Этот текст находим в Новгородской кормчей (ГИМ. Син. № 132. л. 567–576 об.; конец XIII в.¹⁵) и в Варсонофьевской кормчей (ГИМ. Чуд. № 4. л. 300–303 об.; конец XIV в.)¹⁶. «Летописец вскоре» по списку ГИМ. Син. № 132 опубликован факсимильно М. Н. Тихомировым¹⁷. Дипломатическая публикация этого списка осуществлялась несколько раз; две важнейшие на сегодняшний день публикации подготовлены М. Н. Тихомировым¹⁸ и Е. К. Пиотровской¹⁹. «Летописец вскоре» по списку ГИМ. Чуд. № 4, насколько мне известно, не публиковался²⁰.

«Летописец вскоре» патриарха Никифора представляет собой краткую хронику, содержащую главным образом даты, имена правителей, указания на продолжительность их правления и на важнейшие события. Аналогично по содержанию и русское продолжение, начинающееся от призвания варягов и заканчивающееся смертью Глеба Васильковича (1278 г.)²¹. В известиях за XIII в. заметен специфический интерес к Ростову и Ярославлю, что, по-видимому, позволяет локализовать продолжение «Летописца вскоре» в Ростове²².

13 Гишпиус А. А. К истории сложения. С. 17, 21.

14 Популярная в науке гипотеза о летописании новгородской церкви св. Иакова убедительно опровергнута А. А. Гишпиусом (Там же. С. 19–34).

15 В рукописи (на л. 1) есть выходная запись, однако содержащаяся в ней дата написания кодекса читается лишь частично. Существующие в литературе датировки колеблются между 1280 и 1291 гг. (см.: Столярова Л. В. *Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков*. М., 2000. С. 141–143).

16 Тот же текст, и также доведенный до 1278 г., читается еще в ряде рукописей XV–XVII вв. Все эти рукописи составляют, по классификации Е. К. Пиотровской, второй вид второй распространенной редакции «Летописца вскоре» (см.: Пиотровская Е. К. *Византийские хроники*. С. 45–46, 112–115).

17 Тихомиров М. Н. Забытые и неизвестные произведения русской письменности. *Археографический ежегодник за 1960 год*. М., 1962. Вклейки между с. 236 и 237.

18 Там же. С. 235–239.

19 Пиотровская Е. К. *Византийские хроники*. С. 129–133.

20 Краткое описание рукописи см.: Протасьева Т. Н. *Описание рукописей Чудовского собрания* [ГИМ]. Новосибирск, 1980. С. 6–7; подробный анализ состава кодекса см.: Шапов Я. Н. Варсонофьевская кормчая. *Археографический ежегодник за 1968 год*. М., 1970. С. 93–101. Впрочем, специального внимания тексту «Летописца вскоре» в этой рукописи исследователи не уделяли.

21 В части за IX–XII вв. русские известия идут попеременно с византийскими.

22 О русском продолжении «Летописца вскоре» как историческом источнике см.: Борцова И. В. «Летописец вскоре» патриарха Никифора с русским продолжением за X–XIII вв., ок. 1279 г. *Древнерусские письменные источники: Информационные материалы к совещанию*. М., 1988. С. 6–9.

М. Н. Тихомиров называет русское продолжение по рукописи Син. № 132 древнейшим датированным списком русской летописи²³. На мой взгляд, это не совсем точно. Во-первых, древнее этой рукописи — записи из рукописи Син. № 330 (конец XII в.) и первая часть Синодального списка НПЛ (около 1234 г.). Во-вторых, русское продолжение «Летописца вскоре» нельзя назвать летописью в собственном смысле этого слова, поскольку в нем отсутствует погодная структура.

3. В богослужебном сборнике XIV в. (ГИМ. Син. № 325) на л. 192 об. находится пасхальная таблица с краткими летописными записями²⁴. Записи охватывают события с 6694 (986) по 6848 (1340) гг., но при этом к периоду до середины XIII в. относятся только 5 записей, а остальные 33 — касаются событий второй половины XIII — первой половины XIV вв.²⁵ Записи вписаны мельчайшими буквами в клетки пасхальной таблицы (размер клетки — примерно 7x7 мм). Записи очень кратки: от одного до пяти слов (чаще всего — два-три слова), причем слова нередко сокращаются. Примеры записей: «Дороговь» (6738 г.), «Андр(еи) оженися» (6779 г.), «Василии Костро(мской) умр(е)» (6784 г.), «Погиблое лѣт(о)» (6798 г.), «Дюденево» (6801 г.) и т. п. Почти все записи содержат сообщение только об одном событии. Только однажды под одним годом говорится сразу о двух событиях: «Кн(я)зь Ивань умр(е). Пожар вели» (6848 г.). Тематика записей разнообразна (рождения и смерти князей, военные события, голодные годы и др.) и в целом схожа с тематикой сообщений любой летописи. Все записи на л. 192 об. написаны одним почерком и одновременно. По совокупности данных рукопись вместе с летописными записями можно отнести ко времени между 1340 и 1353 гг.²⁶, хотя палеография кодекса скорее свидетельствует в пользу второй половины или даже конца XIV в.²⁷

Как бы то ни было, ряд данных свидетельствует, что у рассматриваемого памятника был несохранившийся протограф. Он также представлял собой серию кратких записей на пасхальной таблице. Вероятно, в этом протографе записи делались постепенно, из года в год или, по крайней мере, в несколько приемов. Изучение хронологии памятника позволяет осторожно предположить, что первые записи в протографической таблице были сделаны еще в 60-е годы XIII в.²⁸ Это хорошо согласуется с наблюдением А. А. Романовой, согласно

23 Тихомиров М. Н. Забытые и неизвестные произведения. С. 234.

24 Эти записи четырежды публиковались в XIX в. (М. И. Сухомлиновым, И. И. Срезневским, А. В. Горским, К. И. Невоструевым и Д. И. Прозоровским). Новая публикация подготовлена автором этих строк (*ПСРЛ*, М., 2000. Т. 3. С. 569–589). Там же см. отсылки к старым публикациям, а также фототипическое воспроизведение таблицы.

25 Еще 2 записи относятся к евангельским событиям.

26 См.: Там же. С. 570–572. Этим же временем датирует кодекс и О. В. Лосева (*Лосева О. В. Русские месящесловы XI–XIV вв.* М., 2001. С. 126).

27 Ср.: Романова А. А. К проблеме уточнения датировки рукописей XIV–XVI вв. по таблицам и текстам пасхалии. *Опыт по источниковедению: Древнерусская книжность. Археография, палеография, кодикология.* СПб., 1999. С. 191.

28 См.: *ПСРЛ*, М., 2000. Т. 3. С. 574–577.

которому другая пасхальная таблица из той же рукописи (на л. 192) списана с утраченного протографа, созданного ок. 1269 г.²⁹

Таким образом, в Древней Руси было написано по меньшей мере два памятника такого типа: записи из рукописи ГИМ. Син. № 325 и их утраченный протограф. Скорее всего, записи на пасхальной таблице не являются выборкой из какой-либо летописи³⁰, а представляют собой параллельную летописанию форму фиксации исторических событий, хотя и безусловно родственную ему.

Теперь перейдем к разновидностям исторического повествования, известным не непосредственно из рукописей, а на основании вторичных текстов.

4. Как известно, история сложения текста ПВЛ, т. е. история русского летописания XI — начала XII вв. — это один из самых запутанных сюжетов летописеведения. Учеными предложен целый ряд принципиально отличных друг от друга реконструкций. Тем не менее, есть черта, объединяющая большинство теорий. Это представление о существовании некоего первоначального текста, в котором история Руси излагалась связно, *без разбивки на годы*. В схеме А. А. Шахматова — это *Древнейший свод 1039 г.*³¹; в схеме Д. С. Лихачева — «Сказание о первоначальном распространении христианства на Руси»³²; в реконструкции М. Х. Алешковского — *Начальная летопись*, созданная около 1067 г.³³; в схеме С. В. Цыба — «Сказание о русских князьях»³⁴; по гипотезе А. А. Гишпиуса — «первоначальное ядро» *Начальной летописи*, доведенное до эпохи Владимира³⁵. Сама необходимость подобного предположения была убедительно продемонстрирована М. Х. Алешковским, выявившим в тексте ПВЛ следы разбивки на годовые статьи первоначально связного текста³⁶. Можно спорить о времени создания этого текста, его границах и объеме, но само его существование представляется несомненным. Таким образом, едва ли не у истока древнерусского историописания видим текст, не являющийся летописью в собственном смысле этого слова.

29 Романова А. А. К проблеме. С. 187.

30 По крайней мере, ни в одной из известных нам летописей не присутствует тот же набор известий; хронология записей также демонстрирует независимость записей от известных летописных традиций.

31 См. шахматовскую реконструкцию текста Древнейшего свода: Шахматов А. А. *Разыскания о древнейших русских летописных сводах*. СПб., 1908. С. 539–610.

32 Лихачев Д. С. *Русские летописи*. С. 58–76, 84–85.

33 Алешковский М. Х. К типологии текстов «Повести временных лет». С. 146–154.

34 Цыб С. В. *Древнерусское времечисление в «Повести временных лет»*. Барнаул, 1995. С. 42, 60.

35 А. А. Гишпиус. Рекоша дружина Игоревы...: К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи. *Russian Linguistics* (vol. 25, 2001), 172–173.

36 Алешковский М. Х. К типологии. С. 146–149; см. также: А. А. Гишпиус. Рекоша дружина. С. 163.

5. Для времени до 1400 г. известен еще один пространный текст о русской истории, не имевший разбивки на годы. Это знаменитая *Галицко-Волынская летопись* XIII в., в настоящее время известная как составная часть Ипатьевского свода. Общеизвестно, что текст Ипатьевского свода за XIII в. первоначально не имел погодной сетки и лишь непосредственно в Ипатьевском списке (рубеж 1410–1420-х годов) получил довольно искусственную разбивку на годы. Хлебниковский список (XVI в.), равно как и более поздние списки, сохранил первоначальный сплошной текст³⁷. Связное, тематически достаточно цельное повествование Галицко-Волынской летописи резко контрастирует с погодной структурой собственно летописей. Кроме того, исследователи предполагают, что текст, известный под именем *Галицко-Волынской летописи*, есть не что иное, как свод нескольких первоначально отдельных произведений, своего рода жизнеописаний князей Юго-Западной Руси XIII в.³⁸ Таким образом, *Галицко-Волынская летопись* и ее возможные источники представляют собой еще одну, появившуюся в XIII в. альтернативную собственно летописанию форму исторического повествования.

6. Также широко известно, что краткий текст, отчасти напоминающий летопись, входит в состав «Поучения Владимира Мономаха»³⁹. Этот текст называют личным летописцем Мономаха и первым примером русской автобиографии. Эта часть «Поучения» начинается словами: «А се вы повѣдаю, дѣти моя, трудъ свой, оже ся емь тружалъ, пути дѣя и ловы 13 лѣтъ»⁴⁰. Действительно, текст делится на две неравные части: о «путях» и «ловах». Первая часть (о «путях») наиболее близка к летописи. Она построена по хронологическому принципу, но без годовых датировок. Более того, в отличие от обычной летописи, ее нельзя с легкостью расчленить на *известия*. Мельчайшими единицами этого текста, являются простые предложения, сообщающие каждое о событии или действии Мономаха, которые соединяются в единую цепь словами «и», «и потомъ», «другое» и др. Как правило, сказуемое в этих простых предложениях стоит в первом лице и, чаще всего, это глагол движения («идохомъ», «ходихомъ», «гонихомъ» и др.). Таким образом, это действительно не изложение политических событий, и даже не биография в широком смысле

37 О принципах, на основании которых создатель Ипатьевского списка произвел погодную разбивку, см.: Романова О. В. О хронологии Галицко-Волынской летописи XIII в. по Ипатьевскому списку. *Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Мат-лы науч. конф., 11–13 ноября 1997 г.* Новгород, 1998. С. 66–70; Она же. Ипатьевская летопись и Новгородско-Софийский свод. *Опыты по источниковедению: Древнерусская книжность. Сб. статей в честь В. К. Зиборова.* СПб., 1997. С. 59–61.

38 См.: Котляр М. Ф. *Галицко-Волынский літопис XIII ст.* Київ, 1993; Он же. Галицко-Волынская летопись (источники, структура, жанровые и идейные особенности). *ДП, 1995 год.* М., 1997. С. 80–165; Он же. Галицко-Волынский звід у колі давньоруських літописів. *Київська старовина.* 1999. № 1. С. 13–21 (в этих же работах см. обзор более ранних мнений по вопросу о структуре и источниках Галицко-Волынской летописи).

39 Единственный список — в составе Лаврентьевского списка 1377 г. (*ПСРЛ.* Т. 1. Стб. 247–251).

40 Там же. Стб. 247.

этого слова, но именно перечисление «путей» Мономаха — его перемещений в пространстве и целей этих перемещений⁴¹.

Три рассмотренные только что разновидности историописания объединяет общая черта: в них о событиях прошлого рассказывается в хронологической последовательности, но без погодной сетки⁴². Но о параллельной летописанию *традиции* связного исторического повествования говорить не приходится: в отличие от непрерывной и разветвленной традиции древнерусского летописания, три рассмотренных текста вряд ли связаны между собой, не вполне похожи друг на друга и представляют собой скорее боковые ответвления летописания.

7. Еще одной разновидностью исторического повествования можно с определенной долей условности признать перечни правителей — перечисление имен светских и церковных иерархов, иногда с дополнительными указаниями (на родственные связи, даты или продолжительность правления, обстоятельства прихода к власти или ухода с нее, важнейшие события). Известны перечни князей, церковных иерархов, новгородских посадников и тысяцких. Дело в том, однако, что для времени до 1400 г. перечни правителей известны только в составе собственно летописей (статья 6360 г. ПВЛ; статья 6497 г. НПЛ младшего извода⁴³; «предисловие» к Ипатьевской летописи). Данных о существовании перечней вне собственно летописей для периода до начала XV в. нет⁴⁴.

Таким образом, мы видим, что летописание на Руси XI–XIV вв. существует в окружении целого ряда смежных жанров; летописный тип историописания не был единственным, хотя и был, по-видимому, магистральным. Между этими жанрами и летописанием не было непроницаемой границы: первоначальная история Руси, *Галицко-Волынская летопись* и «автобиография» Мономаха были в разное время инкорпорированы летописанием, краткий летописец Благовещенского монастыря, наоборот, пользовался летописью более пространной. Но в то же время, рассмотренные тексты нельзя причислить к летописям в

41 Перечень походов Владимира Мономаха не является непрерывным, хотя и производит впечатление такового: иногда лакуны в нем достигают нескольких лет (например, не сообщается ни об одном событии, произошедшем в промежутке между 1069 и 1075 гг. и т. д.) (Кучкин В. А. Поучение кн. Владимира Мономаха, 1117 г. *Древнерусские письменные источники: Информационные материалы к совещанию*. М., 1988. С. 12–13).

42 В один ряд эти три текста ставил уже М. Х. Алешковский (К типологии. С. 155).

43 Списки XV в., однако перечни в этой статье появились уже в XII в., по крайней мере, в 1160-х годах (см.: Гишпиус А. А. К истории сложения. С. 46–47).

44 Если не относить к перечням переводы кратких византийских хроник и русское продолжение «Летописца вскоре» Никифора. О перечнях правителей см.: Гимон Т. В. Перечни правителей как вид исторических источников: Англо-Саксонская Англия и Древняя Русь. *Восточная Европа в древности и средневековье: Генеалогия как форма исторической памяти. XIII чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пацуто (Москва, 11–13 апреля 2001 г.)*. М., 2001. С. 54–59.

собственном смысле этого слова; по крайней мере по своей структуре, внутренней организации, все эти тексты существенно отличаются от собственно летописей.

Нетрудно заметить, что все перечисленные разновидности исторических текстов представлены только одним (или, в лучшем случае, двумя) известными примерами. Нет оснований говорить о сколько-нибудь широком распространении каждого из этих жанров в Древней Руси. Возможно, часть из них — не более, чем единичные опыты, которым не было суждено превратиться в традицию. Как бы то ни было, само наличие таких опытов говорит о нелинейности в развитии древнерусского историописания, о поиске им разнообразных жанровых форм, в особенности — кратких, занимавших не более нескольких страниц в рукописях.

Институт всеобщей истории РАН